

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Рецензия

УДК 343.14(075.8)

DOI 10.33184/pravgos-2024.1.27

Review

АБШИЛАВА Георгий Валерьянович
Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия;
e-mail: georost@list.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-1134-6686>

ABSHILAVA Georgi Valeriyovich
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.

МАКСИМОВ Олег Александрович
Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия;
e-mail: o_maksimov@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-7071-8566>

MAKSIMOV Oleg Alexandrovich
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.

**РЕЦЕНЗИЯ НА: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ОТРАСЛЕЙ ПРАВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ
ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ РОССИИ : В 12 Т. Т. XI.
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО : МОНОГРАФИЯ /
ПОД РЕД. А.А. ТАРАСОВА, Р.Л. ХАЧАТУРОВА. – МОСКВА :
ЮРЛИТИНФОРМ, 2023. – 456 С.**

REVIEW OF: FORMATION AND DEVELOPMENT OF BRANCHES OF LAW IN THE
HISTORICAL AND MODERN LEGAL REALITY OF RUSSIA : IN 12 VOL. VOL. XI.
CRIMINAL PROCEDURE LAW : MONOGRAPH / EDITED BY A.A. TARASOV,
R.L. KNACHATUROV. – MOSCOW : YURLITINFORM, 2023. – 456 P.

В рецензируемом томе многотомного издания, посвященного анализу разных отраслей российского права, представлен широкий спектр научных точек зрения на наиболее актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса России на разных исторических этапах его развития. Объем исследования и тщательность представления авторских взглядов не предполагают возможности выказать свое отношение к работе исчерпывающим образом, но заставляют обратиться к наиболее близким нам из затронутых в монографии вопросам в режиме «заметок».

Обозначив в самом начале основные направления и темы научной полемики в современной теории уголовного судопроизводства, авторы акцентируют внимание на фундаментальных и прикладных проблемах

производства по уголовным делам, выявляют вероятные причины их возникновения, предлагают собственные решения. К числу предметов наиболее острых дискуссий авторы рецензируемого тома справедливо относят проблемы назначения уголовного судопроизводства и его принципов, цели доказывания по уголовным делам в составительном уголовном процессе, проблемы досудебного производства в российском уголовном процессе, который традиционно относится к континентально-европейскому типу. В книге верно подчеркиваются тенденции к процедурной межотраслевой унификации, многоплановым объективно обусловленным процессам межотраслевых заимствований и иных межотраслевых взаимодействий в разных сферах правосудия, от которых уголовный процесс не может быть отстранен при всей его отраслевой специфике.

Удачно используя исторический метод исследования, в первой главе профессор Л.Р. Хачатуров показывает процесс возникновения и становления норм и институтов уголовно-процессуального права России, что позволяет последовательно проследить их связь с общественной жизнью, определить поворотные моменты и понять причины изменений. Наглядно показаны и «выход» уголовного процесса из родовых обычаев, и роль уголовного права и процесса в формировании права вообще, и трансформация уголовно-процессуального доказывания, и разделение уголовного права и процесса на отдельные отрасли и многое другое. Проведенное историческое исследование позволило авторам в дальнейшем опереться на выявленную исходную потребность рассматриваемого регулирования и говорить о его дальнейшей трансформации в интересах общества. Первый раздел монографии, кроме наслаждения собственно научным анализом, позволяет погрузиться в тексты исходных правовых документов.

Второй раздел «окунает» нас в наиболее фундаментальные проблемы функционирования и развития современного российского уголовно-процессуального права. Ценным и интересным представляется подход к значению дискуссий для развития уголовного процесса, который толкает и нас к участию в них.

Полностью разделяя мнение профессора А.А. Тарасова (глава 1 раздела 2) о «рекомендательном» характере постановлений Пленума Верховного Суда РФ и необходимости судьям руководствоваться при осуществлении правосудия нормами закона без каких-либо руководящих «дополнений», хотим привести еще один пример, иллюстрирующий необходимость трансляции этого подхода на практику (на это обращено внимание и в главе 1 раздела 3).

В начальной редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» отмечалось, что обжалованию на досудебном производстве подлежат все действия и решения, если они могут причинить ущерб конституционным правам и свободам, а в п. 17 указывались критерии оценки доводов жалоб о нарушении прав на участие в доказывании. В 2016 г. в это постановление внесен п. 3.1,

констатирующий сформировавшийся подход судебной системы к подобным жалобам. В результате из предмета обжалования был безапелляционно исключен, в частности, отказ следователя и дознавателя в проведении процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств. Мы убеждены, что решения, принятые по ходатайствам об участии в доказывании, могут ограничивать права и свободы человека наисильнейшим образом. Такие нарушения являются невосстановимыми, их исключение из предмета судебного обжалования образует неустранимый пробел в защите прав и свобод человека [1, с. 305–313, 426–430]. Тем самым, вопреки требованиям закона и самому назначению уголовного процесса, суд, воспринимая рекомендации указанного постановления как обязательные, устранился от защиты конституционных прав человека, не оценивает в каждом конкретном случае характер заявленных нарушений на предмет их подконтрольности в рамках ст. 125 УПК РФ, а само постановление не разъяснило положения закона, а создало новую норму.

Полностью поддерживаем авторскую точку зрения на назначение уголовного процесса (параграф 1 главы 1 раздела 2) и особо хотим отметить блестящую аргументацию абстрактности и нереальности идеи «борьбы с преступностью» как назначения уголовно-процессуальной деятельности. Говоря о публичности уголовного процесса, профессор А.А. Тарасов делает акцент на необходимости поиска золотой середины между публичными и частными началами уголовного судопроизводства, отмечая при этом, что являлся сторонником включения «публичности» в состав уголовно-процессуальных принципов. В неразрывной связи с проблемой «принципа публичности» автором рассматривается и проблема «уголовно-процессуальной (объективной) истины». Нами полностью разделяется позиция автора о том, что, «руководствуясь принципом презумпции невиновности, следователь обязан обеспечить доказанность предъявленного обвинения "вне разумных сомнений", что и подталкивает его к установлению истины».

В качестве «заметок на полях» по этим основополагающим вопросам уголовно-процессуального «существования» хочется отметить следующее. И «публичность», и «объективная

истина», безусловно, лежат в основе уголовно-процессуальной деятельности. Но уголовно-процессуальный закон кроме функции, состоящей в детальном описании необходимых для соответствия его назначению процедур и возможностей участвующих лиц, несет и «ориентирующую» нагрузку. Именно поэтому, несмотря на наличие в нем норм, описывающих «публичность» уголовного процесса и его нацеленность на установление «истины», не стихают призывы о включении в УПК РФ нормативного содержания данных понятий [см., например: 2, с. 153; 3, с. 105]. Сторонники нацеленности уголовно-процессуальной деятельности на «борьбу с преступностью» полагают, что их отсутствие искажает содержание всей уголовно-процессуальной деятельности. Позволим себе высказать некоторые контраргументы по поводу такой позиции.

Утверждение «публичности» в качестве принципа уголовного процесса, не добавив деятельности конкретного содержания, обозначит законодательно возможность отказа от «частного», то есть от защиты прав и свобод человека при производстве по уголовным делам. «Правозащита», возможно, полностью и не исчезнет как условие уголовного судопроизводства, однако ее ограничение во благо неких абстрактных публичных целей станет не просто допустимо, но и необходимо. Целью деятельности публичных участников уголовного процесса является преодоление презумпции невиновности. Причем это высказывание, полагаем, касается не только стороны обвинения, но и суда. Он приступает к рассмотрению дела по существу только при наличии требования о таком «преодолении». Это и есть одно из оснований «обвинительного уклона», и оно достаточно объективно, так как невозможно оставаться независимым арбитром, если постоянно разрешаешь спор между «статичной» презумпцией невиновности и «динамичной» обвинительной деятельностью, направленной на устранение вреда, причиненного общественным интересам. Одним из авторов рецензии высказывались предложения о преодолении такого уклона путем создания «Коронного» суда, в составе которого должен действовать судья, освобожденный от необходимости «преодолевать» презумпцию невиновности и решающий только вопросы соблюдения прав человека (в дан-

ном контексте – частные) [4], однако данная конструкция так и остается теоретической. Учитывая однозначно «публичный» (читай – обвинительный) характер уголовно-процессуальной деятельности государственных органов и должностных лиц, только отсутствие законодательной декларации о «публичности» уголовно-процессуальной деятельности дает хоть какой-то шанс на отстаивание «частных» (основанных на субъективных правах человека) интересов в уголовном процессе и соблюдение некоторого баланса публичного и частного при производстве по уголовному делу.

То же самое касается и законодательной декларации о достижении в рамках уголовного процесса «истины» (особенно объективной). Истина как цель уголовного процесса непременно ориентирует сторону обвинения на «абстрагирование» от защиты прав и свобод человека при ее достижении [5, с. 119–120]. Для достижения столь значимой цели, как «истина», должны быть дозволены любые методы. А если истина достигается именно публичными органами и лицами, то все «частные» (а это и потерпевший, и сторона защиты, и все иные лица, вовлекаемые в уголовное судопроизводство) для этого совершенно не нужны. Их деятельность и аргументы будут только мешать, а состязательное правосудие, представляющееся нам идеальным инструментом познания объективной реальности и защиты интересов человека, становится излишним.

Все оспариваемые нами конструкции уже существовали в уголовном процессе России в советский период и, как мы помним, не смогли обеспечить стабильность и процветание государства и общества. Так нужен ли возврат к ним, особенно исходя из того, что в отличие от целей государства в советский период (см. ст. 39 Конституции СССР 1977 г.) на сегодняшний день приоритетом является «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» (ст. 2 Конституции РФ)?

Таким образом, мы полностью разделяем позицию авторов о невозможности установления «монополии» на истину у сильной стороны уголовного процесса и выступаем за отсутствие в законе идеологических конструкций, способных ориентировать уголовно-процессуальную деятельность на усугубление дисбаланса частного и публичного начал.

Наличие взвешенного баланса частного

и публичного в уголовном процессе делает оправданным и необходимым такую форму народного участия в правосудии, как суд присяжных, которому посвящен следующий параграф. Здесь остается только процитировать строки, под которыми хочется подписаться: «Суд присяжных нужен, прежде всего, самому гражданскому обществу, но при этом и государству, желающему жить с гражданским обществом в мире».

Исследуя модель современного российского уголовного правосудия, профессор А.А. Тарасов делает акцент на объективности ее формирования и, соответственно, на системности ее элементов, отвергая тем самым возможность их произвольного исключения/добавления даже в случае успешной апробации в иных моделях.

В качестве очередной «заметки на полях» хочется прокомментировать негативное отношение профессора А.А. Тарасова к производству экспертизы по инициативе стороны защиты (данные идеи развиты в параграфе 4 главы 3 раздела 2). Это аргументируется отсутствием властных полномочий на «назначение» экспертизы у кого-либо, кроме процессуальных органов и должностных лиц, материально-договорной основой такой экспертизы, отсутствием возможности назначения стороной обвинения повторной экспертизы в случае уничтожения объектов исследования в ходе выполнения экспертизы, назначенной стороной защиты, отсутствием уголовно-процессуальных норм о сохранности объектов экспертного исследования [6, с. 57–58].

В качестве компенсации возможности защиты по привлечению специальных знаний называются: обязательность удовлетворения ходатайств о назначении судебной экспертизы для установления обстоятельств, имеющих значение для дела (ч. 2 ст. 159 УПК РФ); обязанность суда удовлетворить ходатайство о допросе специалиста, явившегося в суд по инициативе стороны (ч. 4 ст. 271 УПК РФ); использование в качестве доказательств заключений и показаний специалистов (п. 3-1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ); судебный контроль в досудебном производстве, а также возможность повторного заявления ходатайств в суде в уже принципиально иных процедурных условиях – в условиях состязательности и гласности.

Соглашаясь с профессором А.А. Тарасовым в необходимости использования стороной защиты ходатайства о производстве экспертизы в качестве основного способа привлечения в уголовный процесс специальных знаний, хотим отметить, что лишение стороны защиты возможности самостоятельно привлекать специальные знания не идет на пользу установлению действительных обстоятельств дела [7, с. 38]. Проведение экспертизы в правоохранительных или иных финансируемых государством учреждениях, чаще всего «родственных» стороне обвинения, не обеспечивает ее независимости от позиции последней и большей достоверности, чем исследования, проведенного за счет стороны защиты. Независимость и компетентность проведенного исследования во всех случаях гарантируется только лицом, его проводящим. Уничтожение объектов исследования в ходе экспертизы возможно при применении исследовательских методов вне зависимости от того, кто назначил экспертизу. Кроме того, при самостоятельном производстве исследования стороной защиты речь идет только о тех подверженных возможному уничтожению (а значит уникальных) объектах исследования, которые не находятся в распоряжении стороны обвинения, а значит априори не могли бы быть использованы при обвинении. Требование «проверяемости» – унифицированное требование ко всем доказательствам, и невозможность соответствия данному требованию, в том числе и в связи с утратой объектов исследования, вызывает сомнение в любом доказательстве вне зависимости от того, кем оно добыто.

Все доказательства имеют равную юридическую силу. И заключение специалиста имеет такую же силу, как и заключение эксперта. Заключение эксперта – не «царица» доказательств. В большинстве случаев это «косвенное» доказательство, предрасположенное к различной интерпретации в зависимости от иных доказательств совокупности. Как доказательство «личное», оно несет на себе весь негатив «личных» доказательств: субъективность, риск заинтересованности, риск ошибки и т. д., как доказательство «производное» – риск изменения первоначальной информации при «отражении». И по всем этим критериям оно ничем не отличается от заключения

специалиста. Поэтому спорным представляется вывод о том, что «перевес в сторону "заключений и показаний специалистов", по сути, представляет собой подмену надежных процессуальных форм защиты представляемого правового интереса суррогатными».

К сожалению, системной, а не единичной является судебная практика, отвергающая возможность оценки заключения специалиста в связи с его получением вне процессуального поля, несмотря на дачу специалистом в суде, после необходимого предупреждения об уголовной ответственности, показаний, включающих содержание и основание своих выводов². Она приводит к невозможности использования негосударственными участниками процесса специальных знаний, говорит о необходимости уравнивания возможностей сторон в этой части. И не важно, какой это путь – признание полномочий стороны защиты на назначение экспертизы или признание заключения специалиста полноценным доказательством. Выдвигаемые аргументы о «непроцессуальном» характере заключения специалиста, исключающем его доказательственное значение, находятся в противоречии с основной уголовно-процессуальной установкой – необходимостью преодоления презумпции невиновности с помощью допустимых доказательств и, соответственно, отсутствия такого требования к доказательствам защиты. Именно это лежит в основе непредъявления к заключению специалиста как инструменту стороны защиты формальных требований в действующем законе. Проверка его на предмет достоверности должна осуществляться в рамках работы со всей совокупностью доказательств.

Особое значение для понимания сущности реальной уголовно-процессуальной деятельности имеет параграф 6 главы 2 раздела 2, раскрывающий содержание оснований принятия конкретных решений по уголовным делам. Профессор А.А. Тарасов подчеркивает, что это далеко не только требования закона, но и мнение руководящих должностных лиц,

² См., например: Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 02.11.2023 по уголовному делу № 1-262/2023 // Архив Ленинского районного суда г. Ульяновска ; Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 08.02.2024 по уголовному делу № 22/213-2024 // Архив Ленинского районного суда г. Ульяновска.

и предыдущие процессуальные решения своего ведомства по конкретным делам, а также ведомственные отчетные показатели. Практика, двигаясь по пути наименьшего сопротивления, «обнуляет» один из наиболее ценных инструментов, позволяющих «объективизировать» решения по уголовному делу, – «многосубъектность». Принимая решения не самостоятельно, а по указанию руководителя или на основании сложившейся практики в интересах ведомственных показателей, уполномоченное лицо исключает собственную наиболее ценную (исходя из непосредственного знакомства с материалами) оценку. Это противоречит самому смыслу построения уголовно-процессуальной деятельности, которая, особенно в отсутствие достаточной состязательности на досудебных стадиях, обеспечивает «объективизацию» решений через практику различных субъектов – путем принятия самостоятельных решений с их последующим контролем и надзором. В более общем виде такое построение гарантируется стадийностью уголовного процесса с обязательным вынесением подконтрольных и поднадзорных решений по итогам каждой стадии. Но и внутри одного ведомства значение этой «многосубъектности» нельзя игнорировать. Поэтому представляется необходимым к реализации высказанное предложение о привлечении к законотворческому процессу представителей максимального количества заинтересованных в этом законе профессиональных сообществ, что позволит системно обеспечить воплощение максимально возможного баланса корпоративных профессиональных интересов в букве закона.

Высказанные в следующем параграфе идеи о влиянии международных стандартов прав человека и справедливой процедуры судебного разбирательства на всю систему взаимоотношений государства, общества и личности особенно ценны в настоящий исторический момент. Указанные стандарты объективны. Их восприятие российской правовой системой вне зависимости от присоединения к конкретным международно-правовым документам не вызывает сомнений. Они уже имплементированы в национальную правовую систему.

Нельзя обойти вниманием высказанную в главе 2 раздела 2 идею конвергенции процессу-

ального права. Уголовное судопроизводство как отрасль права, связанная с наибольшей возможностью ограничения прав человека, достаточно долго развивалась обособленно от иных процессуальных отраслей. Эта специфика обусловила наличие в уголовном процессе совершенно особенных способов правового регулирования правоотношений, в том числе уникальные инструменты, присущие суду при рассмотрении уголовных дел. Указанная ситуация была понятна и устраивала теоретиков и практиков, подвигая их к спорам и поискам оптимальных моделей, как правило, исключительно внутри данной отрасли, пусть и включая обращение к опыту иных государств. Однако такой путь в значительной степени оказался тупиковым, что, в частности, справедливо отмечает один из авторов работы, приводя данные о количестве изменений, внесенных в УПК РФ за последние 20 лет.

Задумываясь о создании концептуального подхода по обеспечению стабильного и эффективного регулирования уголовно-процессуальных отношений, А.Р. Шарипова обращает внимание на в разы большую стабильность иных российских процессуальных отраслей. Такой взгляд, особенно в связи с единой правовой природой окончательных судебных решений вне зависимости от того, каким судом и по какому делу они вынесены – уголовному, гражданскому или административному, совершенно оправданно позволил ей своевременно поднять вопрос о процессуальной конвергенции. Также следует разделить мнение автора о преюдиции и цифровизации как аргументах в пользу сближения различных процессов. Идея базовой унификации процессуальных отраслей может привести к стабильности и устойчивости всех видов процесса и, что нас интересует прежде всего, процесса уголовного. При этом специфика каждого из видов процесса, несомненно, не даст подменить один процесс другим, что и заставило автора искать концептуальные основы предлагаемой конвергенции, ее границы и способы.

Еще один очень важный момент, подчеркивающий актуальность исследования, – акцент на единое правозащитное назначение суда как ветви государственной власти

вне зависимости от отрасли, в которой суд осуществляет правосудие, выступающее основой для предлагаемого подхода. Формирование понимания уголовного судопроизводства как деятельности исключительно по осуществлению правосудия, такой же, как и гражданский, арбитражный и административный процесс, должно послужить дополнительным и достаточно серьезным толчком к отходу от понимания уголовного процесса в качестве инструмента борьбы с преступностью. Предлагаемая автором унификация институтов (где это возможно), их сближение, с одновременным обоснованием уникальности некоторых правовых инструментов, позволяет создать единые стандарты защиты прав и свобод человека во всех процессуальных отраслях.

Представляет научный интерес разработанная автором классификация процессуальных институтов, лежащая в основе идеи межотраслевой процессуальной конвергенции, определения ее условий и пределов, на универсальные, аналогичные и уникальные. Такой подход позволит, относя конкретные институты к определенной группе, предъявлять к ним соответствующие требования и приводить в соответствие с ними конкретные способы регулирования правоотношений. Таким образом, следует полностью разделить положение о том, что перенос реальности современного цивилистического процесса на уголовный возможен и необходим [см., например: 8].

В большей степени дискуссионной представляется идея автора о возможности разделения уголовно-процессуального закона на Кодекс расследований и Судебный кодекс, обоснованная тем, что судебное производство по уголовным делам имеет гораздо больше оправданных процедурных сходств с другими отраслями отечественного правосудия, нежели с собственным досудебным производством, правосудием не являющимся. Также указано, что ключевые проблемы уголовного процесса связываются с тем, что на законодательном уровне досудебное производство и суд по уголовным делам регулируются «в едином ключе». Исходя из такого контекста, создается впечатление, что автор исключает возможность воздействия

межотраслевой конвергенции на досудебное производство, хотя, как представляется, предлагаемый подход позволяет говорить о возможности воздействия основ судебного права на весь уголовный процесс, особенно принимая во внимание единство назначения всего уголовного судопроизводства.

Исследуя принципы уголовного процесса (глава 3 раздела 2), автор делает упор на их «специфичность» именно для уголовного процесса. Так, описывая в качестве основного свойства принципов уголовного процесса «аксиоматичность», профессор А.А. Тарасов указывает, что презумпция невиновности – та аксиома, которая не свойственна гражданскому праву. Описывая принцип законности, акцент делается на «комплекс процедурных правил, специфичных именно для уголовного судопроизводства». Исходя из высказанной в главе 2 идеи конвергенции процессуальных отраслей, в качестве дальнейшего направления научных исследований видится нахождение оснований для конвергенции на уровне принципов уголовного процесса и иных процессуальных отраслей, отражающих их специфику, и возможное сближение их содержания на уровне принципов «судебного права».

Глава 4 раздела посвящена злободневной проблеме существования и развития уголовного процесса в современных условиях цифровизации. Е.С. Папышева подчеркивает значимость вопроса воздействия искусственного интеллекта на волю субъекта оценки доказательств, делает попытки найти его место в уголовно-процессуальной деятельности. Разделяем высказанную автором озабоченность возможностями искусственного интеллекта по вторжению в конституционные права граждан и предложение о судебном порядке получения разрешения на такое вторжение, а также озабоченность дисбалансом возможностей сторон по использованию искусственного интеллекта. В то же время предложение о формулировании уголовно-процессуального принципа «алгоритмической справедливости» представляется слишком смелым. Наличие алгоритма чревато отказом от «личного» элемента в уголовном процессе, который является исторически обоснованным и единственным способом по-

знания события прошлого и оценки действий конкретного субъекта. Нам представляется, что эта идея сродни возвращению «формальной оценки доказательств» на более развитом уровне. При всей ее привлекательности, связанной с устранением возможного произвольного субъективного усмотрения, четкостью и понятностью механизма реализации, возможностями по охвату неограниченного объема информации и т. д., она проигрывает из-за своей «обезличенности», отрыва от человека, являющегося членом общества и способного отразить общественные потребности конкретного момента при производимой оценке. И никакое обучение искусственного интеллекта, никакая детализация «формальной теории» этого не исправит.

В главе 1 раздела 3 обратило на себя внимание выделение в качестве обособленной стадии досудебного производства «передачи уголовного дела в суд путем утверждения обвинительного документа прокурором». Думается, что это вполне обоснованное предложение. Деятельность на этом этапе действительно уникальна и требует дополнительной регламентации. Отсутствие в рассматриваемый момент субъекта, осуществляющего производство по делу, порождает проблемы по полноценной защите прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство [9, с. 118–120]. Также следует отметить интересную и весомую аргументацию профессором А.Н. Халиковым тезисов о том, что непривлечение «невиновных к уголовной ответственности является основной социальной задачей сферы уголовной юстиции в лице органов предварительного расследования и суда», о соответствии досудебного производства как конструкции, на которой держится правосудие, требованиям правосудия и многих других.

В то же время не можем не высказаться против идеи отказа от решения о возбуждении уголовного дела, заменив его продлением срока следствия (свыше 2-х месяцев и более) прокурором. Не вдаваясь в подробную дискуссию, имеющую большой объем и историю в доктрине уголовного процесса [см., например: 10; 11], позволим лишь указать несколько наиболее явных аргументов. Первое – устране-

ние в таком случае ограничений государственного принуждения при нерешенном вопросе о возможной преступности проверяемого деяния (обысков, задержаний, контроля переговоров и т. д.). Второе – отсутствие известного и подконтрольного (поднадзорного) кому-либо решения, позволяющего ограничивать права человека. Третье – устранение внутреннего убеждения одного из субъектов принятия решений по делу и меньшая объективизация окончательного решения.

Глава 2 раздела 3 предлагает современные решения наиболее актуального на всем протяжении существования уголовного процесса вопроса – о качестве правосудия и его критериях. Следует разделить мнение И.А. Гизатуллина об ущербности существующего способа такой оценки – «устойчивости» судебных решений – и его негативного влияния на практику. Существующий подход, по сути, приводит к «борьбе» с отличиями в оценке исследуемых событий различными субъектами, «подстраиванию» к позициям вышестоящих инстанций вместо формирования по каждому конкретному делу собственного внутреннего убеждения. Тем самым «многосубъектность» принятия решения подменяется навязанным «алгоритмом» оценки, что разрушает столь необходимую при разрешении уголовных дел независимость инстанций. В связи с этим стоит поддержать позицию автора о необходимости создания «комплексной системы, критерии которой сориентированы, прежде всего, на измерение содержательных характеристик деятельности суда».

Теоретическая модель содействия правосудию изложена в главе 3 раздела 3. Предлагается создание доступного сторонам и суду публично-правового механизма, основанного на реализации нейтральной уголовно-процессуальной функции содействия правосудию участниками уголовного процесса. Используя возможности цифровизации, В.С. Латыпов предлагает «разработать и внедрить современную цифровую правовую платформу, включающую базу лиц и организаций, оказывающих услуги по участию в судопроизводстве (уголовном, гражданском, административном, арбитражном), привле-

каемых в качестве переводчиков, экспертов, педагогов, психологов ... и других лиц». Такой подход полностью разделяется нами, причем с акцентом на доступность данной базы для использования не только государственными органами и должностными лицами, но и лицами, вовлекаемыми в уголовный процесс при их желании. В этом случае финансирование стороной защиты привлекаемых ею специалистов будет обезличено, привлечение специальных знаний приобретет публичный характер, что даст дополнительные гарантии достоверности получаемых сведений.

При этом хотелось бы уточнить у автора несколько вопросов: является ли перечень субъектов, выполняющих функцию содействия правосудию в российском уголовном процессе, исчерпывающим? можно ли заявителя (о возбуждении уголовного дела) отнести к этому перечню? Представляется, что основной функцией заявителя является передача информации, на основании которой в публично-правовом порядке решается вопрос о возбуждении уголовного дела, и он полностью отвечает критерию «сообщения доказательственной информации», позволяющему отнести его к рассмотренному перечню. Не приведет ли смешение различных субъектов, обладающих специальными знаниями (специалист, переводчик, эксперт), в единую процессуальную фигуру «сведущего лица» к утрате каждым из них своих специфических и необходимых для реализации содействия правосудию элементов статуса?

В целом рецензируемая работа поднимает серьезные научно-практические проблемы, показывает направления их решения. В теорию уголовного процесса авторами внесен значительный вклад, разработаны актуальные и обоснованные предложения, призывающие к дальнейшей научной работе. Не со всеми авторскими суждениями можно в равной мере согласиться, не все они представляются одинаково добротными аргументированными. Однако очевидна полезность издания этой книги, которая будет способствовать оживлению научной полемики и развитию теории и практики уголовного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.А. Максимов. – Ульяновск, 2022. – 595 с.
2. Попов А.П. Цель уголовно-процессуального познания: объективная или юридическая истина / А.П. Попов, И.А. Попова // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 150–154.
3. Аминов Д.И. Современное значение правовой категории «объективная истина» в системе современного судопроизводства / Д.И. Аминов // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 3. – С. 103–105.
4. Абшилава Г.В. Коронный суд – веление времени / Г.В. Абшилава // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 9-1. – С. 255–266.
5. Комаров И.М. Нужна ли такая объективная истина российскому УПК? / И.М. Комаров // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 25–26 сентября 2014 г. / отв. ред. А.А. Протасевич. – Иркутск : Байкальский государственный университет экономики и права, 2014. – С. 116–122.
6. Тарасов А.А. Модели правосудия: комплекс типологических черт и процедурные детали / А. А. Тарасов // Модели правосудия : сборник научных статей. Серия: Право России: новые подходы. Вып. 4. – Саратов : Научная книга, 2008. – С. 46–61.
7. Максимов О.А. Требование «проверяемости» заключения эксперта как элемент механизма реализации права на ходатайство в уголовном судопроизводстве / О.А. Максимов, А.А. Орлов // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 3. – С. 36–41.
8. Колесник В.В. К вопросу о мере частного начала в уголовно-процессуальном праве / В.В. Колесник // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 491. – С. 171–176.
9. Волков А.А. Способы защиты прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, на этапе утверждения прокурором акта, оканчивающего предварительное расследование с направлением дела в суд / А.А. Волков // Legal Bulletin. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 114–122.
10. Гаврилов Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения / Б.Я. Гаврилов // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 16–23.
11. Давлетов А.А. Стадия возбуждения уголовного дела – обязательный этап современного отечественного уголовного процесса / А.А. Давлетов, Л.А. Кравчук // Российский юридический журнал. – 2010. – № 6 (75). – С. 114–120.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абшилава Георгий Валерьянович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса;

Максимов Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abshilava Georgi Valeriyovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure;

Maksimov Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; принята к публикации 15.03.2024.

The article was submitted 15.03.2024; accepted for publication 15.03.2024.

REFERENCES

1. Maksimov O.A. Petitions and complaints as a form of expressing the purpose of criminal proceedings. *Doct. Diss. Ulyanovsk*, 2022. 595 p.
2. Popov A.P., Popova I.A. Objective truth or legal reality as a purpose of criminal procedural knowledge. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 150–154. (In Russian).
3. Aminov D.I. The modern value of legal category «objective truth» in the system of modern court proceedings. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Vestnik of Economic Security*, 2021, no. 3, pp. 103–105. (In Russian).
4. Abshilava G.V. Crown Court as the demand of the time. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2019, vol. 9, no. 9-1, pp. 255–266. (In Russian).
5. Komarov I.M. Do we need such an objective truth in the Criminal Procedure Code of Russian? In Protasevich A.A. (ed.). *Criminal procedure and forensic means of ensuring the effectiveness of criminal proceedings. Materials of the international scientific and practical conference, Irkutsk, September 25–26, 2014*. Baikal State University of Economics and Law Publ., 2014, pp. 116–122. (In Russian).
6. Tarasov A.A. *Models of justice: a complex of typological features and procedural details. Models of justice. Collection of scientific articles. Series: Russian Law: New Approaches*. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2008. Vol. 4, pp. 46–61. (In Russian).
7. Maximov O.A., Orlov A.A. The requirement of «verifiability» of the expert's conclusion as an element of the mechanism for exercising the right to petition in criminal proceedings. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminalists and Criminologists*, 2018, no. 3, pp. 36–41. (In Russian).
8. Kolesnik V.V. On the measure of the private principle in criminal procedure law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2023, no. 491, pp. 171–176. (In Russian).
9. Volkov A.A., Maksimov O.A. Ways of protecting the rights of persons involved in criminal proceedings at the stage of approval by the prosecutor of the act ending the preliminary investigation with sending the case to court. *Legal Bulletin*, 2023, vol. 8, no. 4, pp. 114–122. (In Russian).
10. Gavrilov B.Ya. Modern criminal procedure legislation and the realities of its enforcement. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2010, no. 15, pp. 16–23. (In Russian).
11. Davletov A.A., Kravchuk L.A. The stage of initiating a criminal case is a mandatory stage of modern national criminal procedure. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2010, no. 6 (75), pp. 114–120. (In Russian).